

OLGA V. VELES ТЕНИ ДРЕВНИХ ЛЕСОВ

Olga Veles

Тени древних лесов

<https://litres.ru/73888576>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухих лесах Воронежской земли пробуждается древнее зло. Множество историй ,славянской мифологии.

Содержание

Песни берегинь	4
Глава 1.Шелест у болота.	4
Глава 2.Хозяин под печью.	8
Глава 3.Голос поля.	11
Глава 4.Тень на меже.	14
Глава 5.Ветка рябины.	17
Глава 6.Туман над болотом.	20
Глава 7.Грёзы у родника.	23
Глава 8.Плач ивы у реки.	26
Глава 9.Светлячки на старой мельнице.	29
Глава 10.Шепчущий дуб.	33
Зов колокольного дерева	37
Лунные нити	40
Тропа забытых имен	44
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Olga V. Veles

Тени древних лесов

Песни берегинь

Глава 1.Шелест у болота.

Ваня знал, что в омуте на Усманке живёт русалка.

Дед ещё в прошлом году показал ему место — там, где река делает крутой поворот, а вода становится чёрной и глухой. «Не купайся там, — говорил дед. — Русалка за ногу схватит да утянет».

Ваня не боялся. Он приходил сюда каждый день, садился на тёплый плоский камень у берега и смотрел, как солнечные блики играют на поверхности. Иногда ему казалось, что под водой мелькает что-то серебристое — то ли рыбий косяк, то ли игра света.

Сегодня омут был другим.

Вода помутнела, приобрела грязно бурый оттенок. На дне шевелились какие-то тени, не похожие на рыб. Рыбы всплывали брюхом вверх, качались на течении, будто уснули навсегда. Камыши склонялись к воде, будто в поклоне, их листья потемнели по краям.

— Что случилось? — прошептал Ваня.

Из глубины поднялась тень. Не серебристая, как раньше, а тёмная, расплывчатая. И только глаза светились — зелёные, печальные, полные слёз. Русалка подплыла ближе, и Ваня увидел: её длинные волосы, обычно блестящие, как водоросли в солнечный день, теперь слиплись и покрылись какой-то склизкой грязью. — Люди сбросили в реку бочку с краской, — прошептала русалка. Её голос звучал не в ушах, а где-то внутри, будто эхо в пустой пещере. — Вода умирает. И я тоже. Ваня сжал кулаки. Он вспомнил, как вчера видел, как мужики из соседней деревни тащили к реке большую железную бочку. «Отходы», — буркнул один, не глядя на Ваню. — Я помогу, — твёрдо сказал мальчик. Русалка покачала головой: — Ты один не справишься. А если попытаешься — утонешь. Вода теперь злая. — Тогда я позову старших! — Ваня уже бежал вверх по тропинке, не оборачиваясь.

Он прибежал в деревню, задыхаясь, и начал стучать во все двери подряд. — Река умирает! — кричал он. — В омуте бочка с краской! Сначала ему не верили. Но Ваня был так взволнован, его глаза так горели, что люди начали выходить на улицу. Старик Игнат, который знал толк в речных делах, спросил строго: — Точно видел? — Не я, — русалка сказала, — честно признался Ваня. Игнат вздохнул: — Веди.

Вместе с ним пошли ещё пятеро мужиков. Ваня привёл их к омуту. Вода действительно выглядела страшно: на поверхности плавала радужная плёнка, запах стал резким, хи-

мическим.— Чёрт возьми, — выругался Игнат. — Опять эти химики из района слили отходы мимо очистных!

Они нашли бочку — она лежала на боку у самого дна, из неё сочилась густая чёрная жижа. Трое мужиков, надев резиновые сапоги, зашли в воду. Ваня тоже хотел помочь, но его отогнали:— Стой на берегу, малой. Тут сила нужна. Они долго возились, толкали бочку, пока наконец не вытащили её на берег. Потом начали собирать сети и мешки, чтобы выловить остатки краски с поверхности. Ваня бегал туда-сюда, носил верёвки, подавал инструменты. Он чувствовал себя таким взрослым!

К вечеру вода начала проясняться. Плёнка исчезла, рыбы перестали всплывать. Русалка вынырнула у самого камня, на котором обычно сидел Ваня. Её волосы уже не были грязными — они снова переливались всеми оттенками зелёного, как молодые листья.— Спасибо, — сказала она и протянула ему гладкий камешек. — Пока он у тебя — никогда не утонешь.

Ваня положил камешек в карман. Он был тёплым, будто согретым солнцем.— А почему ты мне помогла? — спросил Ваня. — Ведь люди сделали плохо реке. Русалка улыбнулась — её зубы блеснули, как перламутр.— Вы — часть этого места, — сказала она. — И когда вы исправляете свои ошибки, река это чувствует. Береги её, Ваня. И она будет беречь тебя.

Мальчик кивнул. Он знал, что теперь будет приходить сюда не просто смотреть на воду, а проверять — всё ли в по-

рядке.

Вечером, когда Ваня шёл домой, он услышал за спиной лёгкий плеск и шелест. Оглянувшись — но увидел только рябь на воде и блики заката. Однако он точно знал: русалка там, следит за порядком в своём омуте.

А камешек в кармане приятно грел ладонь.

Глава 2. Хозяин под печью.

В избе у Петровых дела шли худо.

Корова пала — подхватила какую-то хворь, да так быстро, что и не успели помочь. Картошка в погребе сгнила за неделю, хотя ещё осенью была отборная. Куры перестали нестись, а в амбаре завелась моль, которая поедала запасы муки.

Бабушка Марфа только качала головой, глядя на всё это.
— Домовой обиделся, — шептала она внучке Маше. —

Забыли его угостить, вот он и сердится.

Маша не очень верила в домовых. Ей было уже целых десять лет, а в таком возрасте, как известно, во всякие сказки верить не положено. Но бабушка настаивала:— Раньше то как было? Каждый вечер оставляли на печи ложку каши, краюху хлеба да клубок ниток — чтобы хозяину тепло было. А теперь что? Все в спешке, все торопятся.

Вечером Маша, хоть и сомневалась, всё же положила на печь, у самой заслонки, маленькую чашку с кашей, кусочек ржаного хлеба и аккуратно смотанный клубок красных ниток.— Если ты тут есть, — прошептала она, — прими угощение. Мы не со зла забыли, просто ... просто не подумали.

На следующее утро она проснулась от странного ощущения. Что-то было не так. Маша села на кровати и огляделась.

На столе стояла миска с парным молоком — хотя корова

пала, и молока быть не могло. Возле печки лежали три крупных яйца — куры не неслись уже месяц. А на лавке, аккуратно сложенная, лежала новая льняная рубаха, которую бабушка начала шить неделю назад и отложила из-за нехватки времени.

— Бабушка! — закричала Маша. — Бабушка, смотри! Марфа вошла, прищурилась, потом улыбнулась. — Вижу, — сказала она. — Вижу, что помирились.

С тех пор дела в доме пошли на лад.

Картошка больше не гнила. Куры начали нестись по два яйца в день. А когда в амбаре снова завелась моль, бабушка только покачала головой: — Не беда. Теперь то мы знаем, как с хозяином ладить.

Маша стала каждый вечер оставлять угощение на печи. И иногда, если встать пораньше, можно было заметить, как шевелится клубок ниток, будто кто-то его поправляет. Или как ложка сама собой поворачивается к окну.

Однажды ночью Маша проснулась от того, что кто-то осторожно поправил сползшее одеяло, укрывая её потеплее. Она приоткрыла глаза и в лунном свете, пробивающемся сквозь окно, увидела маленькую тень у кровати. Тень склонилась над ней, будто проверяя, всё ли в порядке, а потом тихо отошла к печи и растворилась в темноте.

Маша улыбнулась и закрыла глаза. Теперь она точно знала: домовый — не сказка. Он живёт здесь, в их доме, и бережёт их семью.

Утром она положила на печь не просто кашу и хлеб, а добавила к угощению горсть сушёных ягод — тех самых, что сама собирала в лесу.— Спасибо, — прошептала Маша. — Спасибо, что ты с нами.

Из-за печи донёсся тихий, почти неслышный звук — то ли треск горящего полена, то ли довольное хмыканье.

А на следующий день сосед принёс им цыплят — пять пушистых жёлтых комочков.— Берите, — сказал он. — У меня их слишком много вывелось, а вам, гляжу, удача улыбнулась. Пусть будет ещё больше!

Маша посмотрела на печь и улыбнулась. Теперь она знала: когда уважаешь тех, кто живёт рядом — даже если их не всегда видно, — жизнь становится теплее и светлее.

Глава 3. Голос поля.

Старик Игнат всегда говорил: «Поле — оно живое. Слышит, видит, чувствует».

В деревне над этим посмеивались. «Ну да, — хмыкали мужики, — ещё скажи, что пшеница тебе песни поёт!» Но Игнат только качал головой и продолжал каждое утро выходить в поле, разговаривать с посевами, благодарить землю за каждый колос.

Однажды, в самый разгар лета, когда пшеница наливалась золотистым цветом, Игнат проснулся от странного ощущения. Он лежал в кровати, но всем телом чувствовал — что-то не так. Будто кто-то дёргает его за рукав, настойчиво зовёт.

Он поднялся, накинул рубаху и вышел во двор. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, роса блестела на траве. Игнат прислушался — и вдруг ясно услышал:

«Беда идёт»

Голос был тихим, но отчётливым — не человеческий, а будто шелест колосьев на ветру, складывающийся в слова.

Игнат поспешил в поле. Остановился у края пшеничного поля и замер, вслушиваясь.

«Беда беда беда» — шептали колосья.

Старик провёл рукой по спелым колосьям. Чтото тревожное было в их шелесте — не радостный шум урожая, а предупреждение.

— Что за беда? — тихо спросил он.

Колосья склонились к земле, будто указывая на небо. Игнат поднял глаза — на горизонте темнела туча, пока ещё далёкая. Но он знал: в этих краях такие тучи приносят град.

Не теряя времени, Игнат побежал по деревне, стучал в окна, кричал:

— Убирайте пшеницу! Сейчас же!

Мужики выглядывали, хмурились:— Да ты что, дед? Урожай ещё не созрел!— Град будет, — твёрдо сказал Игнат. — Поле сказало.

Над ним снова посмеялись. Но Игнат не сдался. Он позвал своего внука Ваню и соседей, кто согласился помочь, и они начали жать пшеницу там, где она уже была готова. Работали быстро, сноровисто, складывали снопы под навесы.

К полудню туча подошла ближе, небо потемнело. А через час с неба посыпались крупные градины — размером с голубиное яйцо. Они били по земле, ломали ветки, выбивали зелень на огородах.

Град бушевал час. Когда он закончился, все в деревне бросились проверять поля.

У тех, кто не послушал Игната, пшеница была побита в хлам — колосья поломаны, зерно выбито. А там, где успели убрать, снопы лежали целые и невредимые.

Староста подошёл к Игнату, снял шапку:— Прости, дед. Мы не верили.

Игнат только улыбнулся:— Поле всегда предупреждает.

Надо только уметь слушать.

С тех пор отношение к старику в деревне изменилось. Теперь, прежде чем принимать важные решения о посевах, к нему шли за советом. А Игнат учил Ваню:— Видишь, как важно слышать землю? Она не просто кормит нас — она заботится. И если мы будем внимательны, она предупредит о любой беде.

Однажды Ваня, помогая деду, тоже услышал слабый шёпот колосьев. Он замер, прислушался.

«Спасибо» — прошелестели они.

Ваня улыбнулся. Теперь он понимал, о чём говорил дед.

А на следующий год, когда пришла пора сеять, Игнат показал внуку особый обряд: они положили в первую борозду горсть соли и несколько зёрен прошлогоднего урожая.— Так мы благодарим землю за прошлый год и просим удачи в новом, — объяснил дед.

Когда они закончили сев, пшеница зашелестела на ветру особенно ласково, будто шептала:

«Добро пожаловать домой»

Игнат посмотрел на внука, и в его глазах светилась гордость. Теперь у поля был не один, а два слушателя.

Глава 4. Тень на меже.

Фёдор шёл через поля к соседней деревне — обещал помочь соседу с починкой сарая. Путь был знакомый: сначала вдоль речки, потом через широкое пшеничное поле, а дальше — тропой меж двух лесов.

Но в тот день дорога будто сговорилась сбить его с толку. Сначала Фёдор заметил, что тропа, обычно прямая, стала петлять. Он свернул к речке — а её не оказалось на месте. Пошёл вдоль кромки леса — и вдруг понял, что уже час ходит кругами: под ногами те же примятые колосья, на берёзе — зарубка, которую он сам сделал утром.

— Да что ж такое — пробормотал Фёдор, вытирая пот со лба. Солнце стояло в зените, но тени легли не туда, куда положено.

Он остановился, прислушался. В поле было тихо — ни птичьего гомона, ни жужжания пчёл. Только где-то вдалеке, у самой межевой полосы, шелестели колосья — будто кто-то шёл там, не касаясь земли.

Фёдор поднял глаза и увидел: на меже, где заканчивалась пшеница и начиналась дикая трава, стояла фигура в длинном плаще. Лица не разглядеть — оно то ли в тени, то ли само по себе размыто. Только глаза светились жёлтым, как у кота в темноте.

— Кто ты? — громко спросил Фёдор.

Фигура не ответила. Вместо этого она медленно подняла руку и указала куда-то влево — в сторону густого ельника, куда Фёдор вовсе не собирался идти.

«Не иначе, полевик», — догадался Фёдор. Он слышал от деда: дух нивы любит путать путников, проверять их на смекалку и уважение.

Фёдор снял шапку, поклонился в пояс и сказал громко, отчётливо:— Прости, батюшка, что потревожил твой покой. Путь держу не со злым умыслом, а по доброму делу. Позволь пройти без помех.

Фигура замерла. Жёлтые глаза будто вглядывались в него. Потом рука опустилась. Полевик молча развернулся и пошёл вдоль межевой полосы — медленно, не спеша.

Фёдор решился: пошёл следом, держась на почтительном расстоянии. Через сотню шагов дух остановился, снова указал — но теперь уже прямо, на тропинку, ведущую к деревне. — Благодарствую, — снова поклонился Фёдор.

Полевик кивнул — или это только показалось? — и растаял в воздухе, будто туман на солнце.

Фёдор быстро нашёл тропу. Теперь всё стало на свои места: речка блестела там, где и должна, деревья стояли на привычных местах, а впереди уже виднелись крыши домов соседней деревни.

По пути он сорвал краюху хлеба из котомки, положил на межевой камень у тропы.— Прими угощение, хозяин поля. И прости, если невзначай обидел.

Вечером, возвращаясь домой, Фёдор специально прошёл тем же местом. Хлеба на камне уже не было. Зато рядом, прямо на меже, вырос одинокий красный мак — яркий, как знак доброго расположения.

С тех пор Фёдор всегда, проходя через поля, оставлял маленький дар у межевых камней: то горсть зерна, то краюху хлеба, то клубок ниток. И ни разу больше не сбивался с пути.

А если кто-то из односельчан жаловался, что заблудился в знакомом месте, Фёдор только улыбался и говорил:— Поклонись полю, да попроси вежливо. И не забудь поблагодарить — тогда дорога сама тебя выведет.

Однажды его внук, мальчонка лет семи, спросил:— Дедушка, а правда, что там живёт кто-то?Фёдор подмигнул:— Правда. Только он не злой — он проверяет, помним ли мы, что земля живая. И если помнить об этом, она всегда поможет.

Мальчик задумался, потом сорвал колосок и положил на межевой камень.— Спасибо, что показали дорогу нам вчера, — прошептал он.

Фёдор потрепал внука по голове. В тот же миг над полем пронёсся лёгкий ветерок, колосья склонились в поклоне, а где-то вдали, у межевой полосы, мелькнула тень в длинном плаще — будто кивнул в ответ.

Глава 5. Ветка рябины.

В деревне Заречье случилась беда: одна за другой начали болеть дети.

Сначала слегла Марфушка, дочка кузнеца, — глаза покраснели, дыхание стало тяжёлым. Через неделю занемогла Петька, сын мельника, а потом и малыши из других дворов стали жаловаться на жар и слабость. Взрослые тоже чувствовали себя неважно: вялость, головная боль, ломота во всём теле.

Староста созвал сход. Мужики хмуро переглядывались, гадали, что за напасть. Кто-то говорил про дурной ветер с болота, кто-то — про отравленную воду. Но вода была чистой, а ветер дул как обычно.

— Это нечисть, — тихо сказала старуха Агафья, самая старая жительница Заречья. — Вижу, как по ночам тени у окон мелькают. Надо защититься.

Мужики только плечами пожали:— Чем тут защитишься? — Рябиной, — твёрдо ответила Агафья. — Ветки над дверями повесьте. От нечисти — самое верное средство.

Над старухой посмеялись:— Да что ж рябина сделает? Ягоды — это да, на варенье годятся. А ветки то? Но Агафья лишь покачала головой:— Деды наши так делали. И живы остались.

Тем же вечером она сама обошла несколько домов и по-

весила над дверями свежие ветки рябины — яркокрасные, с гроздьями ягод.

На следующий день к ней подошли соседки:— У нас Митька спал плохо, метался. Повесили рябину — и всю ночь спал как убитый.— А у нас кошка всё шипела на угол, будто кого видела. Как рябину повесили — успокоилась.

Постепенно и другие жители деревни последовали примеру: над дверями появились ветки рябины. Кто-то делал это всерьёз, кто-то — просто чтобы старуху не обидеть. Но через несколько дней стало ясно: болезнь отступает. Дети перестали кашлять, жар спал, взрослые почувствовали прилив сил.

Однажды утром к Агафье подошёл староста:— Бабуш, а ведь помогло. Что за чудо такое?

Старуха улыбнулась:— Никакого чуда. В рябине сила есть. Она мошкору всякую отгоняет — ту, что заразу разносит. А люди думали — нечисть.

Оказалось, что в тот год особенно сильно расплодилось мелкая мошкара — почти невидимая, но ядовитая. Она заводилась в сырых углах, пряталась в занавесках, кусала по ночам. А запах рябины её отпугивал.

С тех пор в Заречье появилась традиция: каждую осень, когда рябина наливалась красными гроздьями, жители срезали ветки и вешали над дверями. Не только в избах, но и в амбарах, конюшнях, даже над входом в кузницу.

Дети сначала не понимали:— Бабушка, а зачем? Ведь мошкеры сейчас нет.— Зато будет, — отвечала Агафья. —

А если заранее повесить рябину, она и близко не подлетит. Да и красиво ведь: красные ягоды на фоне тёмного дерева.

Однажды в деревню приехал чужак — торговец из города. Увидел ветки над дверями и усмехнулся:— Что ж это у вас, суеверия какие-то? Ветки вешать

Но местный мальчишка, Ванька, не растерялся:— А ты не смейся. Это не суеверия, а мудрость. Рябина — она и красоту даёт, и здоровье бережёт. Торговец только головой покачал, но на всякий случай купил у бабы Нюры пучок рябиновых веток — «на удачу».

А в тот год в Заречье вообще никто не болел. И когда спрашивали, в чём секрет, жители улыбались и показывали на яркие гроздья над дверями:— Вот он, наш оберег. И от нечисти, и от мошкеры, и просто для радости.

И правда: стоит только взглянуть на алые ягоды рябины на фоне старого дерева — и на душе становится светлее и ярче мир вокруг.

Глава 6.Туман над болотом.

Тимошка шёл через болото к деду в соседнюю деревню — тот обещал научить внука плести корзины из ивовых прутьев. Путь был знакомый: сначала вдоль ручья, потом мимо старого дуба с дуплом, а дальше — тропой меж кочек, где мох мягче подушки.

Но в тот день всё пошло не так.

Ещё у ручья Тимошка заметил: птицы смолкли. Не стрекотали стрекозы, не квакали лягушки — будто кто-то выключил все звуки разом. А потом с болота пополз туман — густой, молочный, с синеватым отливом. Он обволакивал ноги, цеплялся за подол рубахи, шептал что-то неразборчивое.

Мальчик остановился. Тропа, которую он знал наизусть, вдруг исчезла. Тимошка сделал шаг вперёд — и тут же упёрся в корявый куст, которого здесь быть не должно. Повернул назад — а за спиной уже не ручей, а чёрная вода омута.

— Да что ж это — прошептал он.

Туман сгустился. В нём замелькали тени — то ли ветви, то ли чьи-то руки. Голоса зазвучали отчётливее:

«Сюда иди -сюда»«Отдохни ложись»«Здесь тепло здесь спокойно»

Тимошка почувствовал, как клонит в сон. Так хотелось опуститься на мягкий мох, закрыть глаза. Он уже поднял ногу, чтобы шагнуть в сторону манящего шёпота, но в послед-

ний момент вспомнил слова деда:

«Если туман водит — не поддавайся. Сними шапку, перекрестись и скажи: Чур меня! А потом — иди прямо, не сворачивай. Дух болота любит тех, кто не боится».

Дрожащими руками Тимошка стянул с головы шапку, перекрестился и громко, чётко произнёс:— Чур меня!

Туман вздрогнул. Шёпот оборвался. Тени отступили, будто обожжённые.

Мальчик глубоко вдохнул и шагнул вперёд — прямо, никуда не сворачивая. Сначала было страшно: кочки уходили из-под ног, где-то булькала вода. Но он шёл и шёл, повторяя про себя: «Прямо. Прямо. Прямо».

Вдруг туман разорвался, как тонкая ткань. Перед Тимошкой открылась знакомая тропа. Вдалеке, на краю болота, стоял дед — махал рукой и кричал:— Ну, молодец, внучек! Прошёл испытание!

Тимошка бросился к нему, задыхаясь от радости.— Дедушка, там , там голоса тени— Знаю, — усмехнулся дед. — Кикимора тебя проверяла. Хотела посмотреть, слабенький ли ты духом. А ты — молодец. Не поддался.

На краю болота, у тропы, дед остановился, достал из котомки краюху хлеба и положил на большой камень.— Всегда оставляй дар, если прошёл через болото, — сказал он внуку. — Так мы благодарим духов за урок.

Тимошка кивнул и добавил к хлебу горсть лесных орехов — сам собирал утром.

В тот вечер, сидя у печи и слушая деда, он вдруг спросил:— А почему она меня пугала?— Не пугала, — поправил дед. — Проверяла. Болото — место сильное. Оно пускает только тех, кто помнит правила: уважай, не бойся, иди прямо.

С тех пор Тимошка, проходя через болото, всегда оставлял на межевом камне угощение. И туман больше не путал его тропу — лишь слегка касался плеча, будто кивая в знак уважения.

Однажды, когда он уже сам стал учить соседских мальчишек ходить через болото, один из них испугался, увидев мерцание в тумане.— Не бойся, — сказал Тимошка. — Просто сними шапку, перекрестись и скажи: «Чур меня!» А потом иди прямо. И всё будет хорошо.

Мальчишка так и сделал. Туман расступился, открыв тропу. Остальные захлопали в ладоши, а Тимошка улыбнулся. Он знал: теперь и этот мальчик понял главное — духи уважают тех, кто знает правила и не теряет голову.

Глава 7. Грёзы у родника.

У окраины деревни, за старым дубом, бил родник — чистый, звонкий, с ледяной водой. Местные звали его «Спящим»: говорили, что он исполняет желания, но только тем, кто сумеет разгадать его загадку.

Лиза слышала про родник с детства. Бабушка шептала: «Если увидишь, как вода меняет цвет — значит, он готов говорить. А если услышишь шёпот — слушай внимательно: он покажет путь к мечте».

Но вода всегда была прозрачной, а шёпота Лиза никогда не слышала.

Однажды жарким июльским днём она пошла к роднику за водой. Солнце пекло нещадно, трава пожухла, а в деревне уже неделю не было дождя.

Лиза опустилась на колени у камня, опустила ковш в воду — и замерла.

Вода отливала нежнобирюзовым, словно в ней растворили кусочек неба.

— Он проснулся? — прошептала Лиза.

Из глубины родника донёсся тихий шёпот:— Кто жаждет не воды, а ответа, тот услышит. Что ищешь ты, девочка?

Лиза сглотнула.— Хочу увидеть мир. Не только нашу деревню, а леса за холмами, горы, что видны на горизонте. Но бабушка говорит, что девушкам нельзя уходить далеко.

Родник зажурчал громче, брызги взлетели в воздух и сложились в картину: тропа, выющаяся через лес, мост над горной рекой, город с высокими башнями.

— Путь откроется, если не побоишься сделать первый шаг. Но помни: чем дальше уйдёшь, тем сильнее будет тянуть домой. Верность корням — вот что даст тебе силу.

Картинка растаяла. Вода снова стала прозрачной.

Лиза вернулась в деревню, но слова родника не выходили из головы. Через неделю она решилась: собрала котомку, оставила бабушке записку и пошла по тропе за лесом.

Сначала было страшно. Но каждый вечер, раскладывая постель под звёздами, Лиза вспоминала слова родника — и страх отступал.

Она видела много чудес: водопад, падающий с отвесной скалы, деревню рыбаков у моря, ярмарку, где торговали пряностями и тканями невиданной красоты. Но с каждым новым городом её всё сильнее тянуло назад — к бабушке, к дубу у родника, к знакомым тропинкам.

Через год Лиза вернулась.

Бабушка встретила её на пороге, обняла крепко-крепко. — Я знала, что ты придёшь, — сказала она. — Родник никогда не обманывает.

Лиза улыбнулась. Теперь она понимала: мир огромен, но дом — это место, откуда берёшь силу, чтобы идти дальше.

На следующий день она повела к роднику соседских детей. — Смотрите внимательно, — шепнула она. — Если вода

заиграет цветом — загадывайте желание. Но помните: родник исполняет не капризы, а истинные мечты. И всегда даёт урок.

Дети замерли у камня. Вода оставалась прозрачной.— Может, он не хочет говорить? — расстроился маленький Гриша.— Он говорит только с теми, кто готов услышать ответ, — улыбнулась Лиза. — И с теми, чьи сердца чисты.

В этот момент солнечные лучи упали на поверхность — и родник вспыхнул бирюзой. Дети ахнули.

— Слушайте, — тихо сказала Лиза. — Он начинает рассказывать

С тех пор Лиза стала проводницей для тех, кто хотел услышать голос родника. Она учила:

Не проси легкомысленно.

Будь готов к испытанию.

И никогда не забывай дорогу домой — она всегда ведёт к самому себе.

А родник продолжал шептать свои загадки, выбирая тех, чьи мечты были настоящими.

Глава 8. Плач ивы у реки.

На берегу Усманки, у самого изгиба реки, стояла старая ива. Ветви её склонялись так низко, что касались воды, а кора была покрыта глубокими трещинами — будто следами давних слёз.

Старики говорили: ива плачет по утопленнице, что когда-то бросилась в реку из-за несчастной любви. И если прислушаться в тихий вечер, можно услышать, как дерево шепчет её имя.

Ксюша не верила в эти сказки. Она часто приходила к иве, садилась в тень её ветвей и читала книги, которые брала в школьной библиотеке. Ей нравилось, что здесь никто не мешал: деревня была далеко, а рыбаки обычно останавливались выше по течению.

Но однажды вечером, когда солнце уже садилось и небо стало розовым, Ксюша услышала то самое шёпотение.

— Лииида , Лииида — доносилось из ветвей, будто ветер перебирал сухие листья.

Девочка замерла. Голос был тихим, печальным, совсем не похожим на обычный шум деревьев.

— Кто здесь? — тихо спросила Ксюша.

Ива шевельнула ветвями, и одна капля упала ей на ладонь — не дождевая, а будто настоящая слеза. — Я не хотела пугать, — прошелестели листья. — Но мне нужна помощь.

Ксюша сглотнула. Она вдруг поняла: дерево действительно живое. И оно действительно плачет.— Что я могу сделать? — прошептала она.— Найди её кольцо, — сказала ива.— Оно лежит на дне, у старого камня. Если вернёшь его — я смогу успокоиться. А она сможет уйти.

На следующий день Ксюша взяла маску для ныряния и пошла к реке. Она знала, где находится тот камень — тёмный, покрытый мхом, торчащий из воды, как зуб великана.

Девочка глубоко вдохнула и нырнула. Вода вокруг заиграла изумрудными бликами, песок на дне переливался, как золотая пыль. У основания камня что-то блеснуло.

Ксюша протянула руку и достала кольцо — простое, серебряное, с маленьким синим камешком. Оно было холодным, но в то же время будто хранило тепло чьихто пальцев.

Вынырнув, она положила кольцо на берег и тихо сказала:— Вот. Я нашла его.

Ива зашелестела ветвями — на этот раз не жалобно, а легко, словно вздохнула с облегчением. Одна ветка склонилась над кольцом и слегка коснулась его листьями.— Спасибо, — прозвучало в голове у Ксюши. — Теперь она свободна. И я тоже.

В тот же миг ветер подхватил что-то невидимое и унёс прочь, над рекой. Ветви ивы распрямились чуть выше, кора перестала казаться такой потрескавшейся, а листья заблестели свежей зеленью.

Ксюша улыбнулась. Она больше не считала это место пе-

чальным. Теперь оно казалось ей мудрым и добрым.

С тех пор она часто приходила сюда, но уже не просто читать книги. Она рассказывала иве новости из деревни, делилась своими радостями и тревогами. А дерево слушало, слегка покачивая ветвями, будто кивая в ответ.

Однажды к ней подошла бабушка Марфа, местная знахарка.— Вижу, подружилась ты с ивой, — улыбнулась она. — Это хорошо. Такие связи не случайны.— А что теперь будет? — спросила Ксюша. — Она больше не будет плакать?— Нет, — покачала головой бабушка. — Теперь она будет петь. Прислушайся.

Ксюша закрыла глаза. И правда — в шелесте листьев ей послышалась тихая, светлая мелодия. Не плач, а песня. Песня освобождения и покоя.

С того дня ива у реки больше не считалась местом печали. Дети приходили сюда играть, влюблённые — шептаться под ветвями, а старики — отдыхать в её тени. И все, кто оставался здесь хоть ненадолго, уходили с лёгким сердцем.

А Ксюша знала: иногда помочь другому — значит просто услышать его шёпот и не испугаться.

Глава 9. Светлячки на старой мельнице.

За околицей Заречья, у пересохшего ручья, стояла старая мельница. Крылья её давно не крутились, доски прогнили, а дверь скрипела так, что дети обходили это место стороной. Говорили, будто там живёт дух мельника, который не любит, когда его беспокоят.

Но Гришка не верил в страшилки. Ему было уже целых двенадцать лет, а в таком возрасте пора доказывать, что ты не трус.

— А я пойду туда ночью, — заявил он во дворе, когда ребята играли в лапту. — И дотронусь до двери. Кто со мной?

Мальчишки зашумели. Кто-то засмеялся, кто-то покрутил пальцем у виска. Только Леночка, младшая дочка кузнеца, тихо сказала:— Я пойду.

Гришка удивился, но виду не подал.— Ладно. Встретимся у околицы в полночь.

В назначенное время они встретились. Луна светила ярко, тени от деревьев казались длинными и зловещими. Мельница высилась впереди, чёрная и молчаливая.

— Может, не надо? — прошептала Леночка, сжимая рукав Гришкиной рубахи.— Надо, — твёрдо сказал он. — Иначе все будут считать нас трусами.

Они подошли ближе. Дверь мельницы действительно жутко скрипела на ветру. Гришка сделал шаг, протянул руку

И тут он замер.

Изнутри доносилось тихое пение — не человеческое, а будто шелест листьев или журчание ручья. А в щелях между досками мерцал мягкий зеленоватый свет.

— Что это? — прошептала Леночка. — Не знаю, — честно ответил Гришка.

Он осторожно прильнул к щели. И обомлел.

Внутри мельницы летали сотни светлячков. Они кружились, как снежинки, складывались в узоры, а потом выстраивались в фигуру старого человека в длинном фартуке. Тот улыбался и что-то шептал, а светлячки слушали, будто понимали каждое слово.

— Это дух мельника? — выдохнула Леночка, тоже заглянув в щель. — Похоже, — прошептал Гришка.

Фигура из светлячков повернулась в их сторону. Дух улыбнулся и махнул рукой — приглашая войти.

Гришка нерешительно толкнул дверь. Та открылась без скрипа, будто ждала их.

Они вошли. Светлячки окружили детей, освещая всё вокруг. Теперь стало видно, что мельница внутри не такая уж и ветхая: жернова целы, мешки с мукой стоят у стены, а на полке — чашки и лампа.

— Вы не испугались, — прозвучал голос, мягкий, как пыльца. — Это хорошо.

Перед ними стоял дух мельника — не страшный, а добрый, с седой бородой и глазами, похожими на две яркие звезды.

— Я думал, вы не придёте, — сказал он. — Давно никто не навещал меня. А без веры людей духи слабеют.

— Мы не верили, — признался Гришка. — Но теперь видим.— Видите — значит, верите, — кивнул дух. — А вера — это свет. Как у этих светлячков.

Он взмахнул рукой, и насекомые закружились над головами детей, образуя сверкающие венки.— Возьмите по одному, — предложил дух. — Они будут светить вам в трудные минуты. И напоминать: даже в старом и забытом может жить чудо.

Леночка осторожно поймала светлячка. Тот сел ей на ладонь и засиял ещё ярче. Гришка последовал её примеру.

— Спасибо, — сказали они хором.

— И вам спасибо, — улыбнулся дух. — За то, что пришли. За то, что не побоялись. За то, что поверили.

Когда они вышли наружу, светлячки мягко мерцали в их ладонях.

— Никому не расскажем, — вдруг сказала Леночка. — Пусть это будет наш секрет.— Наш секрет, — согласился Гришка.

С тех пор мельница больше не пугала детей. Иногда кто-то видел, как ночью там мерцает зеленоватый свет, но теперь все знали: это не страшно. Это просто дух мельника разгова-

ривает со светлячками — ждёт, пока ктонибудь снова придёт к нему в гости.

А Гришка и Леночка хранили своих светлячков в стеклянных банках. Те светились по вечерам, напоминая: чудеса есть повсюду — нужно только не бояться сделать первый шаг навстречу.

Однажды они привели к мельнице других ребят. Те сначала боялись, но потом увидели мерцание в окне и осмелились подойти. Дух мельника встретил их улыбкой и подарил ещё два светлячка.

Так старая мельница перестала быть местом страха — она стала местом чудес. И каждый, кто приходил сюда с открытым сердцем, уносил с собой частичку волшебного света.

Глава 10.Шепчущий дуб.

На краю леса, у самой опушки, стоял древний дуб. Его ствол был таким толстым, что пятеро мальчишек, взявшись за руки, не могли его обхватить. Ветви раскинулись широко, словно могучие руки, а кора покрылась глубокими трещинами — будто морщинами старца, видевшего века.

Дети в деревне знали: этот дуб не простой. Поговаривали, что он помнит ещё времена, когда на этих землях жили древние племена, поклонявшиеся дубам как священным деревьям. А ещё говорили, что если прийти к нему в сумерках и прислушаться, можно услышать шёпот — будто сам дуб делится мудростью веков.

Но верили в это не все.

— Сказки, — фыркнул Гришка, самый дерзкий из ребят. — Дерево не может говорить! — А ты подойди и проверь, — тихо сказала Лиза, самая младшая в компании. — Бабушка говорит, он отвечает только тем, кто приходит с чистым сердцем. — Да ну? — Гришка подбоченился. — Сейчас я его проверю!

Он решительно зашагал к дубу, громко топая сапогами. Встал у ствола, постучал кулаком по коре: — Ну, говори, старый пень! Чего там у тебя за мудрость?

Ничего не произошло. Только ветер прошелестел в листьях. — Видали? — Гришка обернулся к ребятам, торже-

ствуя. — Пустое место!

Но Лиза не сдвинулась с места. Она медленно подошла к дубу, положила ладонь на шершавую кору и тихо прошептала:— Здравствуй, дедушка. Мы пришли не ради забавы. Мы хотим узнать что-то важное.

И тогда случилось чудо.

Листья зашелестели, но не так, как от ветра. Звук складывался в слова — тихие, глубокие, будто доносившиеся изпод земли:

— Кто ищет с насмешкой — тот услышит тишину. Кто ищет с уважением — обретёт ответ.

Гришка замер с открытым ртом. Остальные дети притихли, боясь пошевелиться.

— Что ты хочешь узнать? — спросил дуб, обращаясь к Лизе. Девочка на мгновение задумалась.— Как сделать так, чтобы в деревне все жили дружно? Чтобы не ссорились из-за пустяков, чтобы помогали друг другу?

Дуб помолчал, а потом ответил:— Посадите рядом со мной семь молодых дубов. Один — для доброты, второй — для терпения, третий — для взаимопомощи

Лиза внимательно запоминала каждое слово. Когда дуб закончил, она поклонилась:— Спасибо, дедушка. Мы сделаем, как ты сказал.

На следующий день вся деревня вышла сажать дубки. Взрослые сначала посмеивались, но потом включились в работу. Дети помогали таскать воду, старики давали советы,

где лучше посадить.

А вечером, когда работа была закончена, староста предложил устроить общий ужин прямо у старого дуба. Женщины принесли пироги, мужчины разожгли костёр, дети затеяли игры.

Впервые за много лет все жители деревни собрались вместе — не по нужде, а просто так, ради общения. И оказалось, что у них гораздо больше общего, чем казалось.

С тех пор многое изменилось.

Люди стали чаще помогать друг другу. Если у кого-то случалась беда, соседи приходили на помощь без лишних слов. А если возникали споры, шли к дубу и садились в его тени — и разговор сразу становился спокойнее, разумнее.

Гришка больше не смеялся над древними поверьями. Теперь он первым напоминал ребятам:— Идёмте к дубу. Может, он что-то подскажет.

Однажды он сам подошёл к дереву и тихо сказал:— Прости, что смеялся. Теперь я понял: мудрость не в том, чтобы всё отрицать, а в том, чтобы уметь слушать.

Дуб шевельнул ветвями, и один лист плавно опустился Гришке на плечо — как знак прощения.

Весной посаженные дубки пустили первые побеги. Лиза часто приходила к ним, рассказывала о новостях деревни, делилась своими мыслями. А старый дуб слушал, слегка покачивая ветвями, и иногда шептал в ответ что-то мудрое и важное — то, что нужно было услышать именно сейчас.

И люди знали: пока стоит этот дуб, пока растут его молодые собраты, в деревне будет царить согласие и память о древних корнях, связывающих всех воедино.

Зов колокольного дерева

В глубине леса, куда не доходили тропы охотников и грибников, росло странное дерево. Местные называли его «колокольным»: говорили, будто в ветреную погоду его ветви звенят, как церковные колокола, и звук этот слышен за много вёрст.

Но слышали его лишь избранные.

— Бабушка, а почему я никогда не слышала этого звона? — спрашивала Машенька, внучка старосты. — Потому что он зовёт не всех, — отвечала бабушка Агафья. — Только тех, кому суждено услышать важное.

Машенька не понимала: какое может быть важное послание в звоне дерева? Но в глубине души ей очень хотелось его услышать.

Однажды утром деревня проснулась от тревоги. Коров не доили — они мычали и не подпускали к себе. Куры метались по дворам, собаки скулили, прижавшись к стенам домов. А в лесу, за опушкой, раздавался тихий, мелодичный звон — будто далёкие колокола звонили набат.

— Он зовёт, — прошептала бабушка Агафья, перекрестившись. — И на этот раз я слышу. — Кто зовёт? — Машенька схватила бабушку за руку. — Дерево. Оно предупреждает.

Бабушка взяла внучку за руку и повела в лес. Путь был

неблизкий: сначала через берёзовую рощу, потом вдоль оврага, где росли папоротники выше человеческого роста, а затем — вглубь чащи, куда раньше Машенька не заходила.

Когда они вышли на небольшую поляну, девочка ахнула.

Дерево стояло посредине — высокое, стройное, с серебристой корой и ветвями, похожими на руки, воздетые к небу. И каждая ветка действительно тихонько позванивала на ветру — не громко, но отчётливо, словно маленькие колокольчики.

— Что оно говорит? — прошептала Машенька. — Пожар, — строго сказала бабушка. — Где-то в лесу огонь. И если его не остановить, он дойдёт до деревни.

Они поспешили обратно. Староста собрал мужиков, и те пошли в ту сторону, откуда доносился звон. Машенька увязалась следом — бабушка не стала её останавливать.

Огонь нашли быстро: он тлел под слоем мха, разожжённый, видимо, случайной искрой. Мужики затоптали пламя, окопали землю, залили водой из ручья.

Когда опасность миновала, староста обернулся к Машеньке: — Ты тоже слышала? — Да, — кивнула девочка. — Теперь слышу.

— Значит, ты — хранительница, — улыбнулась бабушка Агафья. — Дерево выбрало тебя.

С тех пор Машенька стала приходить к колокольному дереву каждую неделю. Она разговаривала с ним, рассказывала новости, просила о защите для деревни. А дерево в ответ

звенело — то тихо и нежно, то громко и тревожно, если чу-
яло беду.

Однажды, когда Машенька уже выросла и сама стала ба-
бушкой, к ней пришла её внучка — та самая, что когда-то
боялась ходить в лес.— Бабушка, — сказала девочка, — я
слышала звон. Он звал меня. Машенька улыбнулась и взяла
внучку за руку:— Пойдём. Пора тебе познакомиться с ним.

Они пошли через лес — той же тропой, что когда-то про-
шла Машенька с бабушкой Агафьей. И когда вышли на поля-
ну, дерево зазвенело особенно радостно, будто приветствуя
нового хранителя.

— Видишь, — сказала Машенька, — оно выбирает тех,
кто умеет слушать. И тех, кто готов защищать свой дом.

Внучка кивнула. Она уже знала: этот звон — не просто
звук. Это голос леса, который доверяет свои тайны лишь тем,
кто достоин их хранить.

С тех пор в деревне всегда был тот, кто слышал зов ко-
локольного дерева. И ни один пожар больше не добрался до
домов. Ни одна беда не застала людей врасплох. Потому что
лес и люди жили в согласии — и помогали друг другу, как
добрые соседи.

А если в ветреный день зайти в самую глубь леса, мож-
но и сейчас услышать тихий, мелодичный звон. Он звучит,
как напоминание: природа говорит с нами — нужно только
уметь слушать.

Лунные нити

В деревне Ветрянка из поколения в поколение передавалось старинное ремесло — плетение «лунных нитей». Говорили, что эти тонкие серебристые нити, похожие на паутинки, пропитанные лунным светом, могут исцелять, оберегать и даже показывать вещие сны. Но овладеть этим искусством могли лишь те, кого сама Луна сочла достойной.

Маруся с детства наблюдала, как её бабушка Агафья садилась в полнолуние у окна, брала клубок нитей и начинала плести. В её руках нити мерцали, будто впитав свет луны, а узоры получались необычными — то в виде звёзд, то в виде лесных зверей.

— Бабушка, научи меня! — просила Маруся. — Всему своё время, — улыбалась Агафья. — Луна должна позвать.

Однажды ночью, в полнолуние, Маруся проснулась от странного ощущения. В комнате было светло, будто кто-то зажег свечу, но это был лунный свет — он струился через окно и ложился на пол серебряной дорожкой.

Девочка подошла к окну и увидела: на подоконнике лежал клубок лунных нитей, которого раньше там не было. А рядом — тонкая костяная игла, украшенная резным узором.

Маруся осторожно коснулась нитей. Они оказались тёплыми и чуть подрагивали, словно живые. — Значит, Луна позвала — прошептала она.

Она села у окна и начала плести — медленно, неуверенно. Но пальцы будто сами знали, что делать. Нить ложилась за нитью, складываясь в узор — сначала в круг, потом в завитки, а потом Маруся увидела, как в середине узора проступил силуэт леса, а над ним — полная луна.

Когда бабушка утром вошла в комнату, она замерла на пороге. На коленях у Маруси лежал готовый оберег — серебряный круг с лунным ликом в центре. — Ты сделала это — тихо сказала Агафья. — Ты слышала зов.

С тех пор Маруся стала ученицей бабушки. Каждую лунную ночь они сидели у окна и плели:

обереги для охотников — чтобы возвращались домой целыми;

тонкие сетки для младенцев — чтобы сны были добрыми;

нити для больных — чтобы болезнь отступала;

узоры для полей — чтобы урожай был щедрым.

Однажды в деревню пришла беда: заболел маленький Гриша, сын мельника. Он метался в жару, и ни травы, ни зелья не помогали. — Сделай ему сетку лунных нитей, — попросила мать Гриши. — Говорят, она спасает даже тогда, когда всё остальное бессильно.

Маруся взялась за работу. Она плела всю ночь, вкладывая в узор все свои надежды. Когда она закончила, оберег светился мягким светом. Его положили у изголовья мальчика, и к утру жар спал, а Гриша спокойно уснул.

Слава о лунных нитях разнеслась далеко за пределы Вет-

рянки. Люди приходили издалека, просили обереги, благодарили. Но Маруся всегда говорила:— Это не моя заслуга. Это Луна даёт силу нитям. Я лишь помогаю ей.

Прошло много лет. Маруся сама стала бабушкой, а ремесло лунных нитей не угасло — она передала его своей внучке Дашеньке.

В полнолуние они сидели у окна вдвоём: старая мастерица и юная ученица. Лунный свет окутывал их руки, а нити ложились ровно, сплетаясь в узоры, полные древней магии.

Дашенька подняла глаза на бабушку:— А как понять, что Луна позвала?Маруся улыбнулась и кивнула на подоконник. Там, рядом с клубком нитей, лежал маленький серебряный цветок — знак, что девочка готова.— Видишь? — тихо сказала Маруся. — Она уже позвала. Теперь слушай сердцем.

Дашенька взяла нить. Та дрогнула в её пальцах, будто приветствуя новую мастерицу. Девочка начала плести, и узор получался сам собой — сначала круг, потом завитки, а в середине проступил силуэт совы, сидящей на ветке.

Маруся смотрела, как руки внучки ловко управляют с нитью, и знала: традиция будет жить. Пока есть те, кто слышит зов Луны, пока есть те, кто готов учиться и передавать знания дальше, лунные нити будут оберегать людей, дарить им надежду и напоминать: мир полон чудес, нужно лишь уметь их видеть.

А в деревне Ветрянке до сих пор, если в полнолуние заглянуть в окно дома на окраине, можно увидеть две фигуры

у окна — старую и юную, — и мерцание лунных нитей в их руках.

Тропа забытых имен

За дальним лесом, куда редко заходили охотники и грибники, начиналась Тропа забытых имён. Говорили, что тот, кто пройдёт по ней от начала до конца, вспомнит всё — и то, что забыл давно, и то, о чём никогда не знал. Но идти нужно было в одиночестве, без еды и воды, и главное — не оглядываться назад.

О тропе знали немногие. Старуха Марфа, последняя хранительница памяти деревни, рассказывала, что тропа ведёт через места, где живут тени прошлого — не духи и не привидения, а отголоски событий, которые когда-то произошли в этих краях.

— Зачем туда идти? — спрашивал её внук, десятилетний Митя. — Что там можно найти? — Себя, — отвечала Марфа. — Или то, что потерял.

Митя не понимал, что можно потерять в десять лет. Но однажды он решил: в школе его дразнили за то, что он всё забывал — уроки, обещания, даже имена друзей. Может, тропа поможет?

Ранним утром, пока деревня ещё спала, Митя вышел из дома. Бабушка дала ему горсть соли и велела бросить её через плечо, если услышит зов позади — но ни в коем случае не оборачиваться.

Тропа начиналась у старого дуба с дуплом, полным сухих

листьев. Как только Митя ступил на неё, воздух стал гуще, а звуки деревни стихли, будто их отрезало невидимой стеной.

Сначала идти было легко. Тропа петляла между деревьями, под ногами шуршали опавшие листья. Но вскоре Митя начал замечать странные вещи:

на коре деревьев проступали вырезанные имена — старые, почти стёртые;

в воздухе витали обрывки фраз — чейто смех, плач, шёпот;

иногда он видел тени — нечёткие, как дым, — они скользили между стволами.

Чем дальше он шёл, тем сильнее становилось ощущение, что кто-то идёт за ним. Шаги были тихими, но отчётливыми. Митя сжал в кулаке горсть соли.

— Митя — донёсся голос. — Обернись, внучек

Мальчик замер. Голос был таким знакомым — будто бабушка Марфа звала его домой. Но он знал: это испытание. Не оборачиваясь, он бросил соль через плечо. Шаги стихли.

Тропа становилась всё уже, деревья склонялись над ней, образуя свод. Воздух наполнился запахами — дыма, хлеба, свежескошенной травы. И вдруг Митя увидел картину:

он сам, совсем маленький, стоит у колодца и плачет — уронил в воду любимую игрушку;

бабушка подходит, гладит по голове и говорит: «Не плачь, всё найдётся»;

рядом стоит отец и улыбается.

Воспоминание вспыхнуло так ярко, что Митя чуть не упал. Он вспомнил всё: и тот день, и голос бабушки, и тепло отцовской руки. А потом — другие моменты: как играл с соседскими ребятами, как учился читать, как впервые поймал рыбу в речке.

Память возвращалась, словно река, прорвавшая плотину. В конце тропы стоял большой камень с высеченным на нём кругом. В центре круга было пустое место — будто ждали, чтобы кто-то вписал своё имя.

Митя достал уголёк, который взял с собой, и вывел: «Дмитрий».

Как только он закончил, камень засветился мягким светом, а тропа впереди расступилась — открылась прямая дорога к деревне.

Когда Митя вернулся, бабушка Марфа встретила его у калитки. — Ты прошёл, — улыбнулась она. — Теперь ты хранитель. — Хранитель чего? — не понял Митя. — Памяти. Ты вспомнил не только своё — ты помог тропе сохранить то, что могло исчезнуть. Теперь ты будешь знать: ничего не забывается по-настоящему. Просто иногда нужно пройти путь, чтобы вспомнить.

С тех пор Митя стал помогать бабушке. Они вместе ходили к тропе, следили, чтобы никто не заблудился, и рассказывали деревенским детям о важности памяти. А если кто-то терял что-то важное — не вещь, а воспоминание, — Митя говорил: — Идём со мной. Я покажу дорогу.

Однажды к нему подошла девочка из соседней деревни:— Говорят, ты можешь помочь вспомнить? Я забыла лицо мамы — она умерла, когда я была маленькой. Митя кивнул:— Пойдём. Тропа поможет.

Они прошли весь путь вместе. У камня девочка написала имя своей мамы, и в тот же миг перед ней вспыхнуло воспоминание — тёплые руки, ласковый голос, улыбка. Она заплакала, но уже не от горя, а от облегчения.

А Митя стоял рядом и знал: тропа забытых имён не просто возвращает память. Она учит ценить то, что у нас есть, — и тех, кто был с нами когда-то.

И если в тихий вечер зайти в лес, можно услышать, как шелестят листья на тропе — будто перешёптываются забытые истории, ожидая, пока кто-нибудь придёт их вспомнить.

«СОЛОВЬИНЫЙ КЛЮЧ».

У подножия холма, за старой берёзовой рощей, бил родник. Вода в нём была настолько чистой, что на дне можно было разглядеть каждую песчинку. Но примечателен он был не этим.

По вечерам, когда солнце опускалось к горизонту и воздух наполнялся прохладой, у родника начинали петь соловьи. Их трели сливались с журчанием воды так гармонично, что казалось — сама природа создала этот удивительный оркестр.

Жители деревни называли родник «Соловьиным ключом» и верили: если выпить воды на закате и загадать желание от чистого сердца, оно обязательно сбудется. Но было

одно условие — прийти нужно в одиночестве, не проронив ни слова по дороге.

Аня давно хотела проверить легенду. Ей исполнилось двенадцать, и она мечтала научиться рисовать так, чтобы её картины восхищали людей. Но у неё никак не получалось передать на бумаге то, что она видела в воображении.

Однажды вечером Аня тихонько вышла из дома, взяла глиняную кружку и направилась к роднику. Она шла молча, стараясь не хрустнуть веткой и не спугнуть тишину.

Когда она подошла к роднику, соловьи уже пели. Их голоса переливались, взлетали вверх и падали вниз, словно капли воды. Аня зачерпнула воды, закрыла глаза и прошептала:— Хочу научиться видеть красоту так, чтобы уметь делиться ею с другими.

Она сделала глоток — вода оказалась холодной и удивительно свежей.

В тот же миг что-то изменилось. Аня огляделась вокруг и ахнула.

Раньше она просто видела деревья, траву, ручей. Теперь же она различала оттенки: изумрудный и болотнозелёный в листьях, рыжеватый в коре старых берёз, серебристосерый в паутине, протянувшейся между ветками. Она заметила, как солнечный луч пробивается сквозь листву и рисует на земле узор из света и тени.

Девочка достала из кармана блокнот и карандаш, которые взяла с собой на всякий случай, и начала рисовать. Линии

ложились легко, будто кто-то водил её рукой. Она зарисовала куст шиповника, потом — изгиб ручья, потом — берёзу с причудливо изогнутым стволом.

Когда Аня подняла голову, солнце уже село. Соловьи продолжали петь, а в блокноте лежали первые понастоящему живые наброски.

На следующий день она показала рисунки бабушке. Та долго их рассматривала, а потом сказала:— Ты научилась видеть. А это — самое главное.

— Но я просто пошла к роднику — удивилась Аня.— Родник не даёт талант, — улыбнулась бабушка. — Он открывает глаза. Талант был в тебе всегда.

С тех пор Аня часто приходила к Соловьиному ключу. Не за желаниями — за вдохновением. Она рисовала пейзажи, портреты деревенских жителей, цветы и птиц. Её работы становились всё лучше, и однажды староста предложил устроить выставку в сельском клубе.

На открытие пришли почти все жители деревни. Они стояли перед картинами, улыбались, узнавали родные места.— Как ты это видишь? — спросил её Гришка, тот самый, что раньше смеялся над её рисунками.— Теперь я знаю, — ответила Аня. — Нужно просто остановиться и посмотреть по-настоящему.

Однажды к роднику пришла маленькая Лиза, соседка Ани.— Я тоже хочу научиться рисовать, — призналась она. Аня улыбнулась:— Приходи сюда на закате. Выпей во-

ды, послушай соловьёв и загадай желание. Но помни: главное — не родник, а твоё сердце. Если оно открыто красоте, ты обязательно научишься её видеть.

Лиза кивнула и зачерпнула воды. Аня отошла в сторону и стала наблюдать. Девочка закрыла глаза, чтото прошептала и сделала глоток. Потом огляделась — и её лицо озарилось удивлением. — Смотри, Аня! — воскликнула она. — Листья такие разные по цвету! Я никогда этого не замечала!

Аня рассмеялась. Она знала: теперь и Лиза начнёт видеть мир поновому.

А по вечерам у Соловьиного ключа попрежнему пели соловьи, и их трели, сливаясь с журчанием воды, напоминали всем, кто приходил сюда: чудеса начинаются с умения замечать красоту вокруг.

И если в тихий вечер пройти мимо берёзовой рощи, можно услышать эту песню — ту самую, что открывает глаза на мир заново.

«Венок из лунных трав».

В деревне Ольховке из уст в уста передавалась легенда: в ночь полнолуния на дальнем лугу расцветают лунные травы — цветы с серебристыми лепестками, которые светятся в темноте. Из них можно сплести венок, и тот, кто наденет его до рассвета, обретёт способность слышать голоса природы: шёпот ветра, песни рек, разговоры деревьев.

Но найти лунные травы мог лишь тот, чьё сердце было чисто, а намерение — искренне.

Катя слышала эту историю от бабушки и долго не решалась отправиться на поиски. Ей очень хотелось услышать, о чём шепчутся старые берёзы у колодца и что рассказывают звёзды, когда ночь опускается на землю.

Когда наступило полнолуние, девочка дождалась полночи и тихонько вышла из дома. Луна висела в небе огромная и яркая, заливая всё вокруг серебристым светом. Катя шла по тропинке, ведущей к дальнему лугу, и сердце её билось от волнения.

Луг открылся перед ней, словно сотканный из тумана и света. И там, среди высокой травы, мерцали серебристые цветы — лунные травы. Они покачивались, будто кивая ей: «Мы ждали тебя».

Катя опустилась на колени и начала аккуратно собирать цветы. Каждый цветок, коснувшись её пальцев, чуть заметно вспыхивал. Она плела венок медленно, вслушиваясь в тишину, и вдруг уловила первый шёпот:

— Тише, дитя, слушай.

Это говорил ветер, обдувая её щёки.— Слушай землю слушай небо слушай сердце

Закончив венок, Катя осторожно надела его на голову. В тот же миг мир вокруг ожил тысячами голосов:

берёзы у реки обсуждали, как выросли их корни за этот год;

ручей рассказывал о далёких горах, откуда он пришёл; звёзды перекликались между собой, делясь новостями о

других мирах;

трава под ногами шептала о дожде, который скоро придёт. Девочка замерла, боясь пропустить хоть слово. Она слушала и запоминала, улыбалась и иногда даже отвечала — сначала робко, потом смелее.

— Спасибо, — сказала она ветру. — Спасибо, что показал мне это.— Ты заслужила, — ответил ветер. — Помни: природа говорит с теми, кто умеет слушать.

На рассвете венок начал тускнеть. Серебристые лепестки теряли свет, превращаясь в обычные травы. Катя бережно сняла его и положила на землю.— До следующего года, — прошептала она.

Возвращаясь домой, она уже не бежала, а шла медленно, вслушиваясь. Теперь она слышала всё: как просыпается лес, как поют первые птицы, как дышит земля под ногами.

Дома бабушка встретила её улыбкой:— Вижу, ты нашла лунные травы.— Да, бабушка! — Катя обняла её. — И я слышала всё! Реки, деревья, ветер— Это потому, что сердце твоё открыто, — кивнула бабушка. — А теперь ты знаешь: волшебство не в венке. Оно в том, чтобы замечать и слышать.

С тех пор Катя часто приходила на луг, даже когда лунные травы не цвели. Она садилась у ручья, клала ладонь на кору старого дуба и просто слушала. А потом рассказывала другим — детям и взрослым — о том, что узнала.

Однажды к ней подошла маленькая Маша, соседская де-

вочка:— Катя, а правда, что ты слышишь, о чём говорят деревья?— Правда, — улыбнулась Катя. — Хочешь попробовать? В следующем полнолунии пойдём вместе. Я покажу, где растут лунные травы. Но помни: главное — не венок. Главное — твоё сердце. Если оно открыто, ты услышишь всё сама, даже без цветов.

Маша кивнула, глаза её загорелись:— Я буду готова!

И Катя знала: так передаётся древняя мудрость. Не словами — а опытом. Не силой — а добротой. Не магией — а умением видеть и слышать то, что окружает нас каждый день.

А в ночь следующего полнолуния две фигурки в серебристом свете луны шли к дальнему лугу. Впереди — Катя, позади — Маша, с горящими от восторга глазами. И ветер летел рядом, напевая им в уши тихую песню природы, которую понимают лишь те, кто действительно хочет услышать.

«Перо ветреной птицы».

В деревне Вершинино с давних пор жила легенда о ветреной птице — существе, которое не садится на землю, а всю жизнь парит в потоках ветра. Говорили, что её перья, упавшие с неба, приносят удачу тому, кто их найдёт, но увидеть такую птицу мог лишь человек с чистым сердцем и ясным взглядом.

Семён, мальчишка лет двенадцати, часто задира голову к небу, высматривая среди облаков очертания этой загадочной птицы. Взрослые улыбались: «Да где ж её увидишь? Она только праведникам является». Но Семён не сдавался — он

верил, что однажды ему повезёт.

Однажды утром, когда роса ещё блестела на траве, а воздух был особенно прозрачным, Семён вышел за околицу, чтобы пасти коз. Он шёл, поглядывая вверх, и вдруг замер.

Высоковвысоко, там, где небо сливается с горизонтом, кружила огромная птица. Её крылья отливали серебром, а каждое движение было плавным, словно она танцевала с ветром. Семён затаил дыхание, боясь спугнуть видение. Птица сделала ещё несколько кругов, взмахнула крыльями — и от них отделилось перо, медленно поплывшее вниз, будто снежинка.

Мальчик бросился вперёд, не разбирая дороги, перепрыгивая через кочки и кусты. Перо опускалось неторопливо, словно давая ему время. Наконец оно коснулось земли у старого дуба, и Семён осторожно поднял его.

Перо было лёгким, почти невесомым, с серебристоголубым отливом. Когда Семён сжал его в ладони, по спине пробежала приятная дрожь, а в голове прояснилось — всё вокруг стало ярче, чётче, будто он впервые понастоящему увидел мир.

Он поспешил домой, чтобы показать находку бабушке Марфе. Та, взглянув на перо, улыбнулась:— Значит, птица выбрала тебя. Это не просто удача — это знак. Теперь ты будешь чувствовать ветер, понимать его настроение, предугадывать погоду.— Но зачем мне это? — удивился Семён.— В нашем краю, где поля кормят всю округу, это важно, —

пояснила бабушка. — Тот, кто слышит ветер, знает, когда сеять, когда жать, когда укрывать посеvy. Ты станешь хранителем ветров для деревни.

С тех пор Семён начал замечать то, чего раньше не видел. Лёгкое дуновение с востока предвещало дождь, порывистый ветер с севера — заморозки, а мягкий южный ветерок обещал тёплые дни. Он стал советоваться с ветром, как с живым существом, и делиться наблюдениями со старостой и другими крестьянами.

Однажды, когда все готовились к севу, Семён остановил мужиков:— Подождите ещё три дня, — сказал он. — Ветер говорит, что скоро будет сильный дождь, а после — ясные дни. Лучше посеять позже, но в хорошую погоду. Староста нахмурился, но послушал мальчика. И правда, через два дня небо затянуло тучами, хлынул ливень, а потом выглянуло солнце. Посевы взошли дружно, а урожай в тот год оказался самым богатым за много лет.

Слава о Семёне и его даре разнеслась по округе. К нему приходили спрашивать совета: когда сушить сено, когда убирать яблоки, когда ставить сети на реке. Мальчик никогда не отказывал, но всегда напоминал:— Я не колдун. Просто слушаю ветер. И вы тоже можете научиться — нужно только быть внимательным.

Прошло несколько лет. Семён вырос, стал крепким парнем, но перо ветреной птицы попрежнему хранил в деревянной шкатулке. Он научил нескольких деревенских ребят за-

мечать знаки природы: как шевелятся верхушки деревьев перед грозой, как пахнут травы перед дождём, как меняется цвет неба на рассвете.

Однажды к нему подошёл маленький Ваня, сын кузнеца:— Дядя Семён, а ты правда видишь ветреную птицу?— Видел однажды, — улыбнулся Семён. — Но важнее не видеть, а чувствовать. Хочешь, научу? Ваня закивал, глаза его загорелись.— Тогда слушай, — Семён поднял голову к небу. — Ветер сегодня тихий, тёплый, с юга. Значит, завтра будет ясно. А если прислушаться, можно уловить в нём нотки свежести — послезавтра, возможно, пройдёт лёгкий дождь. Попробуй и ты почувствовать.

Ваня закрыл глаза, подставил лицо ветру и улыбнулся:— Тёплый и пахнет травой— Вот и хорошо, — похлопал его по плечу Семён. — Значит, ты уже на верном пути.

А высоко в небе, там, где облака плывут неторопливо, снова мелькнуло серебристое крыло. Ветреная птица кружила над деревней, словно проверяя, остались ли здесь те, кто умеет слушать ветер. И, видя, как Семён передаёт своё знание, она, казалось, довольно кивнула и устремилась дальше, в сторону новых горизонтов, оставляя за собой след из лёгкого бриза и надежды.

«Талисман утренней росы».

В долине у подножия Синих гор рос необычный цветок — утренняя звезда. По легенде, он раскрывался только на рассвете и собирал в своих лепестках капли росы, наделённые

волшебной силой: та, что добудет хотя бы одну такую каплю и сохранит её до следующего утра, обретёт дар понимать язык зверей и птиц.

Но путь к цветку был непрост: тропа петляла через густой лес, где деревья будто нарочно сдвигались, загораживая дорогу, а туман сбивал путника с пути. И потому лишь единицы возвращались с каплей утренней росы.

Лизавета, юная дочь лесника, давно мечтала пройти это испытание. Ей хотелось понять, о чём перекликаются сороки на крыше дома, почему волки воют на луну и что шепчут старые дубы в глубине чащи.

Она дождалась ясной ночи перед полнолунием — говорила, что в такие дни цветок сияет ярче и найти его легче. Едва небо начало светлеть, Лизавета вышла из дома и направилась к лесу.

Тропа оказалась коварной. Туман окутал её ноги, ветви цеплялись за платье, а тропинка то и дело исчезала под слоем опавших листьев. Но девочка шла вперёд, ориентируясь по первым лучам солнца, пробивавшимся сквозь кроны.

Наконец она вышла на небольшую поляну. В центре, на возвышении, рос цветок — лепестки его отливали перламутровым светом, а в чашечке уже собралась первая капля росы, мерцающая, как крошечная звезда.

Лизавета замерла, боясь спугнуть волшебство. Она медленно подошла, склонилась и осторожно поднесла к цветку маленький хрустальный флакон, который дала ей бабушка.

Одна капля упала внутрь — прозрачная, искрящаяся, будто наполненная утренним светом.

Девочка закрыла флакон и спрятала его на груди, под рубашкой. В тот же миг она услышала:— Спасибо, что не сорвала меня, — прошепел цветок. — Ты проявила уважение к природе, и потому дар будет полным.

— Ты говоришь? — удивилась Лизавета.— Теперь ты слышишь всех, кто живёт в лесу, — ответил цветок. — Но помни: дар даётся не для забавы, а для помощи. Используй его мудро.

На обратном пути Лизавета впервые понастоящему услышала лес. Она различала болтовню белок, тревожный крик филина, шёпот травы под ветром. У ручья она остановилась, чтобы напиться, и вдруг уловила разговор двух зайцев:— Человек идёт, — пискнул один. — С топором.— К старой ели, — подхватил второй. — Там гнездо соловья

Лизавета бросилась вперёд. Действительно, на опушке стоял незнакомый мужчина и уже замахнулся топором на ель, где в ветвях виднелось гнездо.— Не надо! — крикнула девочка. — Там птенцы!Мужчина вздрогнул и опустил топор.— Откуда ты знаешь? — удивился он.— Просто знаю, — твёрдо сказала Лизавета. — Пожалуйста, не рубите это дерево. Оно старое, но ещё живое.

Мужчина посмотрел на неё, потом на ель и вздохнул:— Ладно. Найду другое.

Вернувшись домой, Лизавета рассказала бабушке о слу-

чившемся. Та улыбнулась:— Ты уже использовала дар по назначению. Помогла сохранить жизнь.

— Но я хочу помогать и дальше, — сказала Лизавета. — Теперь я слышу, когда комуто нужна помощь.

С тех пор девочка стала проводником между людьми и лесом. Она предупреждала охотников, где затаились волчата, указывала грибникам места, где урожай уже собран, и уговаривала детей не разорять птичьи гнёзда. А если кто-то терялся в чаще, Лизавета прислушивалась к голосу леса и находила заблудившегося.

Однажды к ней прибежал маленький Гриша, соседский мальчишка:— Лизавета, мой щенок убежал в лес! Я искал, но не нашёл! Девочка закрыла глаза, вслушалась в шёпоты деревьев и пение птиц.— Он у ручья, — сказала она.— Ищет рыбу. Пойдём. Они быстро нашли щенка — тот сидел на берегу и лаял на проплывающую щуку. Гриша обнял своего питомца и радостно поблагодарил Лизавету.

Шли годы. Лизавета выросла, но не утратила своего дара. Она учила деревенских детей слушать лес, понимать его язык и уважать его законы. А флакон с каплей утренней росы хранила в деревянной шкатулке, передавая его только тем, кто был готов нести ответственность хранителя.

И по сей день, если прийти на ту поляну на рассвете, можно увидеть цветок утренней звезды, сияющий в первых лучах солнца. Он ждёт того, чьё сердце чисто, а намерения — добры. Потому что дар понимания даётся лишь тем, кто го-

тов не только слышать, но и помогать.

А если встать рядом и затаить дыхание, возможно, вы уловите шёпот лепестков:— Береги лес, береги жизнь, береги мир вокруг себя. В этом — истинное волшебство.

«Зеркало туманного озера».

На краю глухого леса, куда не доходили тропы охотников, лежало озеро, окутанное вечными туманами. Местные звали его Зеркалом туманного озера и верили: в его водах можно увидеть не своё отражение, а отражение души — то, что скрыто глубоко внутри: страхи, надежды, забытые мечты и тайные желания.

Говорили, что если прийти к озеру на рассвете, когда туман особенно густ, и задать вопрос от чистого сердца, вода покажет ответ — в образах, символах, мимолётных картинах. Но не каждый решался подойти к берегу: ведь не всякий готов увидеть то, что прячет от самого себя.

Тимофей, юноша семнадцати лет, давно думал об этом озере. В последнее время его мучило чувство, будто он живёт не своей жизнью. Он помогал отцу в кузнице, ковал подковы и ножи, но душа тянулась к чему-то иному — к дальним дорогам, к неведомым краям, к песням, которые он сам сочинял по ночам.

Однажды перед рассветом Тимофей взял небольшой узелок с хлебом и сыром, накинул плащ и тихо вышел из дома. Путь к озеру занял несколько часов. Лес становился всё гуще, воздух — влажнее, а потом впереди замаячила белая

пелена тумана.

Он вышел на берег. Вода была гладкой, как стекло, и в ней клубился туман, словно живые облака. Тимофей опустился на колени, набрал в ладони воды и прошептал:— Покажи мне мою судьбу. Что мне делать — остаться в деревне или уйти?

Вода задрожала, пошла кругами, и в глубине начали проступать образы.

Сначала он увидел кузницу — жаркий огонь, искры, отца, который улыбается и кивает ему. Потом картина сменилась: дорога, уходящая за горизонт, незнакомые города, люди, слушающие его песни. Затем — лес, горы, море И наконец — он сам, уже взрослый, стоит на холме и смотрит вдаль, а рядом — женщина с добрыми глазами и двое детей.

Образы растаяли, оставив после себя лёгкую рябь. Тимофей сидел, затаив дыхание. Он понял: выбор есть, и оба пути — верны. Главное — идти туда, куда зовёт сердце.

На обратном пути он встретил старика Еремея, который жил отшельником у опушки леса.— Был у озера? — спросил тот, прищурившись.— Да, — кивнул Тимофей. — Оно показало мне два пути.— И что выбрал?— Не знаю Оба дороги.— Значит, ты уже выбрал, — усмехнулся старик. — Тот, кто видит ценность в обоих путях, не боится идти вперёд. Главное — не забывай, откуда ты родом.

Тимофей вернулся в деревню другим. Он продолжал работать в кузнице, но вечерами брал гусли и играл для одно-

сельчан. Его песни рассказывали о дальних странах, о море, о горах — и люди слушали, затаив дыхание.

Однажды староста сказал:— Тимофей, а поезжайка ты на ярмарку в город. Сыграй там свои песни. Пусть и другие услышат. Юноша задумался и согласился. Он собрал вещи, попрощался с отцом, обнял мать и отправился в путь.

Перед отъездом он снова пришёл к озеру. Туман клубился над водой, как и прежде. Тимофей наклонился и улыбнулся своему отражению.— Спасибо, — сказал он. — Теперь я знаю, что могу идти, но всегда буду помнить дом.

Шли годы. Тимофей стал известным певцом и сказителем. Он побывал во многих городах, видел моря и горы, о которых мечтал. Но каждый год, ранней весной, он возвращался в родную деревню. Играл песни у костра, рассказывал истории детям и обязательно ходил к озеру.

Однажды с ним пришла его дочь, девочка лет десяти.— Папа, а правда, что озеро показывает будущее? — спросила она.— Оно показывает то, что уже есть в тебе, — ответил Тимофей. — То, что ты боишься признать, или то, к чему стремится твоя душа.— А можно мне посмотреть?— Конечно. Но сначала задай вопрос — настоящий, важный для тебя.

Девочка задумалась, потом подошла к воде и прошептала:— Что я должна сделать, чтобы быть счастливой?

Вода дрогнула, и в глубине показались картины: она бежит по лугу, собирает цветы, смеётся с друзьями, учится читать, помогает бабушке, а потом — стоит на сцене и поёт, а

зал аплодирует.

— Я поняла! — воскликнула она, оборачиваясь к отцу.
— Надо делать то, что люблю! — Верно, — улыбнулся Тимофей. — И слушать сердце.

С тех пор озеро стало местом, куда приходили за советом не только жители деревни, но и путники из дальних краёв. И каждому оно показывало что-то своё — потому что зеркало не лжёт. Оно лишь отражает то, что уже живёт в душе.

А туман над озером всё так же клубится на рассвете, приглашая тех, кто готов заглянуть вглубь себя. И если встать на берегу в тишине, можно услышать шёпот воды: — Смотри, но не бойся. Ищи, но не теряй себя. Иди, но помни, откуда ты пришёл.

«Пламя серебряной свечи».

В деревне Лужки из поколения в поколение передавалась старинная традиция: в ночь зимнего солнцестояния зажигать серебряную свечу. Говорили, что её пламя не гаснет до самого рассвета и освещает не только комнаты, но и души людей — помогает вспомнить забытые обещания, увидеть истинные намерения и понять, что действительно важно.

Свеча хранилась в доме старейшины, и только он мог передать право зажечь её достойному. В этом году старейшина Илларион, глядя на собравшихся у его крыльца жителей деревни, неожиданно указал на Марию — девушку семнадцати лет, которая всегда помогала соседям, лечила раненых птиц и умела успокоить любого, кто пришёл к ней с бедой.

— Ты, Марья, зажжёшь свечу в эту ночь, — сказал он. — В тебе есть свет, который нужен деревне.

Девушка смутилась, но кивнула. Вечером, когда первые звёзды зажглись на небе, она вошла в горницу, где на старинном дубовом столе стояла серебряная свеча. Тонкая, изящная, с выгравированными по всему корпусу узорами в виде листьев и звёзд, она казалась сделанной не руками человека, а самим морозом.

Марья взяла кремень, высекла искру, и фитиль загорелся. Но пламя оказалось необычным — не жёлтым и дрожащим, а серебристым и ровным, будто кусочек луны упал на стол.

Как только свеча загорелась, в комнате стало происходить что-то странное. Тени на стенах задвигались, складываясь в образы:

вот Марья обещает бабушке поливать её цветы, пока та болеет, — но забывает об этом на три дня;

вот она говорит подруге, что поможет ей с работой по дому, — но вместо этого идёт гулять с ребятами;

а вот — она утешает плачущего малыша, отдаёт последний кусок хлеба бездомной собаке, держит за руку испуганную соседку во время грозы.

Девушка смотрела на эти картины и чувствовала, как в груди разливается тепло. Она видела не только свои промахи, но и добрые поступки — те, что делала искренне, от сердца.

— Понимаю, — прошептала Марья. — Свеча не осужда-

ет. Она показывает, где я сбилась с пути, а где шла верно.

Она закрыла глаза и мысленно обратилась к пламени:— Помоги мне стать лучше. Помоги помнить о своих обещаниях. Помоги видеть, кому нужна помощь, и не проходить мимо.

Пламя чуть дрогнуло, будто кивнуло в ответ.

Всю ночь Марья сидела у свечи, наблюдая, как меняются тени на стенах. Иногда она улыбалась, иногда вздыхала, но каждый раз, увидев свой промах, решала: «В следующий раз я поступлю иначе».

На рассвете, когда первые лучи солнца коснулись окон, пламя свечи погасло само собой. На фитиле остался тонкий серебристый налёт, будто иней. Марья осторожно подула на него — и налёт осыпался блестящей пылью.

Выйдя на улицу, она увидела, что деревня уже проснулась. Люди выходили из домов, улыбались друг другу, помогали соседям убрать снег, делились хлебом. Казалось, что за ночь все стали добрее и внимательнее.

К ней подошёл Илларион:— Ну что, увидела?— Да, — кивнула Марья. — Я увидела себя. И поняла, что могу быть лучше.— Это главное, — улыбнулся старейшина. — Свеча лишь показывает путь. Идти по нему — твоё дело.

С тех пор Марья изменилась. Она больше не забывала о своих обещаниях, всегда находила время помочь тем, кто в этом нуждался, и учила других замечать, когда комуто рядом плохо.

Однажды к ней прибежала маленькая Лиза, дочь пекаря:— Марья, а правда, что свеча показывает правду?— Правда, — улыбнулась девушка. — Но не чужую, а твою собственную. Хочешь попробовать?— Очень! — глаза девочки загорелись.— Тогда в следующую ночь солнцестояния ты будешь её зажигать, — сказала Марья. — Если старейшина согласится.

Илларион, услышавший их разговор, кивнул:— Соглашусь. Ты хорошо подготовила преемницу.

Лиза захлопала в ладоши, а Марья подумала: «Так и передаётся свет — от сердца к сердцу. Свеча лишь помогает его разжечь».

Прошли годы. Марья стала старейшиной деревни. Каждую ночь зимнего солнцестояния она передавала право зажечь свечу новому достойному — тому, в ком видела искру доброты и ответственности.

А серебряная свеча попрежнему горела ровно и ярко, освещая не только горницу, но и души тех, кто был готов увидеть в себе что-то важное. И если в ту ночь зайти в дом старейшины и посмотреть на пламя, можно заметить, как в его серебристых отблесках мелькают образы добрых дел — старых и новых, — напоминающие: свет живёт в каждом, нужно лишь дать ему дорогу.

А если прислушаться, кажется, будто сама свеча шепчет:— Помни. Люби. Делай добро. И передай этот свет дальше.

«Тропа шепчущих листьев».

За околицей деревни Рябиновки начиналась тропа, которую местные называли «тропой шепчущих листьев». Она вилась через лес, петляла между старыми деревьями и, по поверьям, вела к древнему источнику силы. Говорили, что тот, кто пройдёт по ней в день осеннего равноденствия и прислушается к шёпоту листьев, узнает ответ на самый важный вопрос, тревожащий душу.

Но путь был непрост: тропа менялась, словно живая. Деревья сдвигали ветви, закрывая дорогу, туман сбивал с толку, а голоса в листве могли запутать, если сердце было неспокойно.

Алёна, девушка шестнадцати лет, давно хотела пройти этот путь. Её мучил вопрос: остаться в деревне, как хотели родители, или отправиться в город учиться на художницу. Она боялась разочаровать близких, но и отказаться от мечты было невыносимо.

В день равноденствия, едва рассвело, Алёна вышла из дома. В кармане у неё лежал маленький мешочек с солью — бабушка сказала бросить её через плечо, если станет страшно. Тропа встретила её тишиной и шелестом опавших листьев.

Сначала идти было легко. Листья под ногами шуршали, будто подбадривали: «Иди, иди». Но чем дальше она углублялась в лес, тем гуще становился туман. Деревья словно надышались, ветви цеплялись за одежду. Алёна остановилась, чувствуя, как страх сжимает сердце.

— Я должна идти, — прошептала она. — Я должна знать.

Она бросила щепотку соли через плечо, и туман на мгновение расступился, открывая тропу. Алёна пошла дальше, прислушиваясь к листьям.

Сначала они шептали невнятно, обрывки фраз: «останься уйди бойся верь». Но потом голоса стали чётче.

— Не бойся выбирать, — прошелестел дуб у дороги. — Сердце не обманет, — подхватила рябина, осыпая её алыми ягодами. — Путь найдётся для всех, — прошептал старый клён, склонив ветви над тропой.

Алёна шла, впитывая эти слова. Лес будто говорил с ней, успокаивал, напоминал: выбор — это не разрыв, а новый шаг.

Наконец тропа вывела её к небольшой поляне. В центре бил родник, вода в нём переливалась всеми оттенками осени — от золотого до багряного. Алёна опустилась на колени, зачерпнула воды и сделала глоток.

В тот же миг перед глазами пронеслись картины: вот она рисует в мастерской, окружённая холстами и красками; вот возвращается в деревню, показывает свои работы родителям, и те улыбаются, гордясь ею; вот учит деревенских детей рисовать, устраивает выставку на площади, а люди любуются её картинами.

Видения растаяли, оставив после себя лёгкость и ясность. Алёна поняла: можно быть художницей и не терять связь с домом. Можно следовать мечте и при этом оставаться частью

своей семьи.

Она набрала воды в флягу, поклонилась роднику и отправилась обратно. Туман больше не путал её, ветви не цеплялись, а листья под ногами будто подталкивали вперёд.

Дома её уже ждали встревоженные родители.— Где ты была? — спросила мать.— Ходила искать ответ, — улыбнулась Алёна. — И нашла.

Она рассказала им всё: о тропе, о шёпоте листьев, о видениях у родника. Отец долго молчал, потом положил руку ей на плечо.— Значит, будешь учиться. Но обещай приезжать почаще.— Обещаю, — кивнула Алёна. — И ещё я буду учить детей рисовать здесь, в деревне.

Мать обняла её.— Мы просто боялись потерять тебя, — призналась она. — Но теперь вижу: ты остаёшься с нами, даже если будешь жить в городе.

С тех пор Алёна стала частым гостем на тропе шепчущих листьев. Иногда она приходила сюда просто посидеть, послушать голоса леса, поблагодарить за мудрость. А когда у неё появились свои дети, она водила их сюда в день равноденствия — учить слушать природу и своё сердце.

Однажды её маленькая дочь Маша, стоя у родника, спросила:— Мама, а правда, что листья говорят правду?— Правда, — улыбнулась Алёна. — Но только тем, кто готов её услышать. И тем, кто не боится сделать выбор.— А я смогу пройти тропу?— Когда будешь готова, — ответила мать. — Главное — помни: лес не даёт готовых ответов. Он помогает

услышать то, что уже живёт в твоей душе.

Маша кивнула, глядя на игру солнечных лучей в каплях воды. Она ещё не знала, какой путь выберет, но уже чувствовала: лес поможет ей найти верный путь.

А тропа шепчущих листьев попрежнему ждёт тех, кто готов прислушаться. И если в день осеннего равноденствия зайти в лес, можно услышать, как листья перешёптываются между собой, напоминая: мудрость рядом, нужно лишь остановиться и услышать её.

И если прислушаться очень внимательно, среди шелеста можно разобрать слова:— Слушай сердце. Доверяй себе. И помни: дом — там, где любят.

«Камень тишины».

На вершине холма Ветряного, что высился над деревней Ясенки, лежал огромный серый камень. Он был гладким, словно отполированным, и имел форму полумесяца. Местные звали его Камнем тишины и верили: если провести возле него ночь без единого слова, на рассвете получишь дар — способность слышать то, что остаётся невысказанным: скрытые чувства, затаённые обиды, невысказанные признания.

Но испытание было непростым. В тишине начинали звучать собственные мысли — порой тревожные, порой горькие. Многие, едва начинало темнеть, сбегали вниз, не выдержав груза внутренних голосов.

Василиса, девушка восемнадцати лет, решила испытать себя. В последнее время она всё чаще замечала, что между

людьми в деревне растёт непонимание: соседи перешёптывались за спинами, друзья ссорились изза мелочей, а в семьях звучали резкие слова. Василисе хотелось понять, почему так происходит, и, может быть, помочь.

В назначенную ночь она поднялась на холм с небольшим узелком — хлеб, сыр, фляга с водой. Солнце уже садилось, окрашивая небо в алые и золотые тона. Василиса расстелила плащ у камня, села, прислонившись к его прохладной поверхности, и замолчала.

Сначала было легко. Она любовалась закатом, следила за полётом ласточек, вдыхала аромат полевых трав. Но когда на небе появились первые звёзды, в голове зазвучали голоса.

— Ты не такая, как все, — прошептал внутренний голос. — Ты мечтаешь о большем, а они этого не поймут. — Зачем тебе их проблемы? — добавил другой. — Живи своей жизнью. Василиса закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она знала: это испытание не о том, чтобы заглушить мысли, а о том, чтобы их услышать и не поддаться.

Ночь опустилась на холм. Луна осветила камень серебристым светом. Василиса сидела неподвижно, наблюдая за игрой теней. Постепенно голоса в голове утихли, а вместо них она начала слышать другое.

— Как же я устал — донёсся едва уловимый шёпот от деревни. — Никто не замечает, никто не спросит — Люблю её, но боюсь сказать — прозвучало откуда-то с востока. — Обидно Я старалась, а они даже не поблагодарили — прошелесте-

ло с юга.

Это были невысказанные слова жителей деревни — их усталость, страхи, обиды, желания. Василиса слушала, и сердце её наполнялось сочувствием. Она поняла: люди не злы и не жестоки. Они просто не умеют говорить о том, что на душе.

На рассвете, когда небо на востоке порозовело, Василиса почувствовала, что готова. Она встала, поклонилась камню и прошептала:— Спасибо. Теперь я знаю, как помочь.

Спустившись в деревню, она не стала рассказывать о своём опыте. Вместо этого начала делать маленькие шаги: подошла к хмурому кузнецу и спросила, не нужна ли ему помощь; обняла заплаканную соседку и сказала: «Я рядом»; предложила бабушке Марфе помочь с огородом, а потом просто села рядом и выслушала её рассказ о молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.